

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(437)(57)«1917/20»

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-122-130

БЫТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В 1917–1920 гг.

© Д. Ваха

Писатель, независимый исследователь,

Чехия, 370 04 Чешске-Будеёвице, улица «У Тройце» (У Троицы), дом 2661/1с.

В статье рассматривается повседневная жизнь чехословацких добровольцев (также именуемых легионерами) в России во время Гражданской войны. Последовательно анализируются санитарная обстановка в эшелонах Чехословацкого корпуса, соблюдение личной гигиены, эволюция обмундирования, вопросы стирки, и в заключение организация медицинской помощи. Рассматриваемое воинское соединение изначально создавалось для борьбы с Австро-Венгрией и Германией, но в 1918–1920 гг. сражалось с Красной Гвардией, красными партизанами и Красной Армией в Сибири. Чехословацкие легионеры были союзниками антибольшевистских («белых») русских сил, но преследовали свои собственные цели – выжить и живыми вернуться домой.

Ключевые слова: повседневность, бытовые условия, санитарная обстановка, здравоохранение, обмундирование, Россия, Гражданская война в России, Первая мировая война, Чехословацкий корпус, легионеры.

Формат цитирования: Ваха Д. Бытовая повседневность чехословацкого корпуса в 1917–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 122–130. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-122-130

HOUSEHOLD EVERYDAY OF THE CZECHOSLOVAK CORPS IN 1917–1920

© D. Vacha

Writer, independent researcher,

U Trojice 2661/1c, 370 04 Ceske Budejovice, Czech Republic.

The article deals with the daily life of Czechoslovak volunteers (also called legionnaires) in Russia during the Civil War. The sanitary situation in the echelons of the Czechoslovak Corps, personal hygiene, the evolution of uniforms, washing issues, and finally the organization of medical care are consistently analyzed. The military unit under consideration was initially created to fight against Austria-Hungary and Germany, but in 1918–1920 fought with the Red Guards, the Red Partisans and the Red Army in Siberia. Czechoslovak legionaries were allies of anti-Bolshevik (“white”) Russian forces, but pursued their own goals – to survive and return alive.

Keywords: everyday life, living conditions, sanitary conditions, health care, uniforms, Russia, Civil War in Russia, World War I, Czechoslovak corps, legionaries

Citation format: Vacha D. Household Everyday of the Czechoslovak Corps in 1917–1920. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 122–130. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-122-130

«Чистота – залог здоровья». Поэтому армии должны заботиться не только о сытости солдат и обеспечении интересного досуга, но и, прежде всего, о здоровье личного состава. Солдат просто обязан обладать могучим здоровьем, которое связано с гигиеной тела и психологическим настроением. Мы должны подчеркнуть, что современного человека шокировали бы санитарно-гигиенические условия, преобладавшие (особенно во время боевых действий) в Чехословацком корпусе. Сами же добровольцы не считали переносимые бытовые трудности чем-то исключительным, зная о более страшных примерах из событий позиционной войны во Франции или условий концентрационных лагерей для военнопленных, из которых особенно печальной славой пользовались российские.

Санитарная ситуация в России в целом всегда была сложной и неадекватной как

перед Первой мировой войной, так и после. При перемещениях в «теплушках» чехословацкие солдаты пытались обеспечить относительный порядок и чистоту, которые, конечно, были очень далеки от современных стандартов. Сложно обеспечить во время войны соблюдение гигиены, в том числе особенно важной при приеме пищи. Большинство солдат даже не мыли руки перед едой. Известные «котелки», игравшие роль чайников, а также ложки и другие столовые приборы солдаты, по крайней мере, старались содержать в относительной чистоте. Ложки солдаты носили при себе, нередко в русском стиле, за голенищем сапога, а перед едой лишь вытирали. Обычный способ очистки посуды – промывка водой без каких-либо моющих средств.

Особенно резко снижался уровень соблюдения гигиены во время боевых действий. Нередко не хватало времени на еду.

Рис. 1. Чешские солдаты в траншее в районе Зборова, 1917 г.

Fig. 1. Czech soldiers in the trench in the vicinity of Zborov, 1917

Тушеное мясо часто ели прямо из консервных банок, открыв их грязными штыками или ножами, не обращая внимание на то, что глина может попасть в пищу. Нередко на фронте, на передовой, солдаты получали продукты питания, испорченные или покрытые плесенью. Заплесневелые участки просто счищали, а остальной продукт употребляли в пищу.

Несоблюдения правил личной гигиены было вызвано нехваткой воды и мыла, и, не в последнюю очередь, отсутствием подобной привычки. Если мы рассмотрим мытье головы, то совершенно бесполезно думать о каком-либо шампуне, лучше рассчитывать на простое мыло. Со вшами, как кульминацией длительного пребывания в полевых условиях, легионеры боролись как стрижкой налысо, так и с помощью утюгов и аппаратов для дезинфекции. Педикулез (завшивленность) во всех частях Чехословацкого корпуса – общеизвестный факт, воспринимавшийся современниками не как серьезная проблема, а скорее как повседневная неприятность (Vácha D., 2006, s. 93–94).

О чистоте лица старались заботиться, регулярно отмывали, чтобы не походить на «трубочистов», как шутили о себе легионеры. Большинство редко использовало, что-либо кроме мыла и воды. Бритьем пренебрегали в условиях напряженных боев. В периоды затишья чехословаков отличало от обросших русских тщательно выбритое лицо, популярны лишь усы, в остальном же типичным было «голое лицо англичан». Бритье часто производилось без мыла, нередко без воды «на сухую». Чехословаков, носивших бороды, в шутку называли «русскими». Таким образом, бритье играло и роль индентификации.

Интересным феноменом были военные цирюльники, которые заботились не только о бритье, но и прическах. Один такой парихмахер поставил кресло прямо в вагон и продолжил свой «бизнес». Также солдаты посещали русские парихмахерские и парихмахеров.

Приходилось уделять внимание заботе о зубах. Легионеры использовали и мыло, и зубной порошок. Средства для чистки и сами щетки приобретали в ротных лавках. Для зубного протезирования действовали весьма многочисленные стоматологические амбулатории и стоматологическая клиника медицинской части корпуса.

Гораздо острее стояла проблема умывания. Большинство «теплушек» не были оборудованы ваннами и душевыми. Использовались как постоянные раковины, так и просто лейки, приклепанные к стене осколки зеркала. Чаще же было доступно лишь влажное полотенце, периодически ополаскиваемое. У крупных рек и водоемов солдаты не упускали случая совместить приятное с полезным – умывание с купанием и принятием солнечных ванн (Fibich K., 1938, s. 15).

Легионеры широко пользовались русскими паровыми банями, которые по внешнему виду и назначению ничем не отличаются от финской сауны. Российская особенность была скорее «социальной», поскольку не чистота тела, а алкоголь был главной целью визита. Нараставшая в России разруха быстро сказалась на качестве общественных бань. Соблюдение личной гигиены усложняли погодные условия. Кто же захочет умываться в холодной воде, когда температура упала ниже нуля! Командования пытались поддерживать чистоту среди подчиненных не только приказами, но и созданием необходимых условий: «На станциях Новониколаевск и Иннокентьевская для всех наших эшелонов будет готова баня, где каждый легионер сможет выкупаться» (Vácha D., 2006, s. 95).

Также существовали походные бани, шутливо называемые «Цирк на колесах». Они были сделаны из лучших вагонов, имевшихся в России, так называемых «Пульманновских» американских. За входной дверью действовали гардероб и раздевалки, откуда проходили в парную. В этом помещении, нагреваемом до 60 градусов по Цельсию, было три главных прибора: большой котел для кипячения воды, мень-

ший котел для холодной воды и плита для пара. Каждый такой вагон-баня мог обеспечить помывку до 500 легионеров в день.

К весне 1918 г. части Чехословацкого корпуса имели далекое от стандарта обмундирование. Солдаты и офицеры были одеты в униформу разного цвета, фасона и степени поношенности. Единообразие существовало лишь на бумаге и в головах далеких от реальности штабных офицеров. Пестрота касалась, как летней, так и зимней униформы. «Смена гардероба» состоялась лишь осенью 1918 г. после поставок большого числа ткани из Японии.

Летняя обувь состояла из высоких растянутых сапог или ботинок на шнурках. Каждый стремился получить надежную обувь, уже не обращая внимание на единство фасона. Нехватка обуви вынуждала сапожников к постоянной починке, и лишь совсем негодные предметы выбрасывались. Разрешение носить ботинки первоначально получили только офицеры, но мода на более легкую обувь быстро распространилась среди войск.

Еще большим разнообразием отличались штаны. Уставной одеждой являлись шаровары, предназначенные к ношению с высокими сапогами. Однако они были лишь малой частью носимых брюк, среди которых встречались как галифе для верховой езды, так и прямые гражданские. В расцветке чаще всего встречался однородный травянисто-зеленый («защитный») цвет русского обмундирования.

Нельзя не отметить и значительное разнообразие среди блузок и рубашек. Стандартная русская «гимнастерка», одеваемая через голову, была прототипом всех рубашек и заслужила большую популярность. «Френч» – китель, названный по имени Главнокомандующего Британскими экспедиционными силами во Франции фельдмаршала Джона Френча – отличался мягким воротником и большими накладными карманами. Встречались все цвета от очень светлого до почти черного, но наиболее распространенным был цвет «хаки» – светло-зеленый или темно-зеленый. Часть

русской формы «шинель» – длинное пальто, поверх которого носили патронташ (в основном через левое плечо). Двубортные шинели серого цвета имели не пуговицы, а крючки и часто служили в качестве одеяла.

Благодаря головным уборам легионеры демонстрировали определенную индивидуальность. Солдаты сами решали, что носить на голове, и вопреки уставным правилам, их головные уборы не отличались положенным единообразием. Наиболее известной является «фуражка», которая со временем стала соседствовать с широким диапазоном головных уборов. Например, легионеры носили шляпу-котелок с плоским верхом под названием «большевичка». Другие использовали «чеченку» (по имени ее создателя будущего генерала Станислава Чечека).

Наступление зимы вынуждало заменять многие части обмундирования, а также добавлять новые. Валенки (пимы) прямые сапоги из войлока. Брюки в большинстве остались прежние, лишь счастливицы получили шерстяные штаны. Обычно одевали две блузки одну на другую. При умеренных морозах использовали шинель, при сильных – меняли ее на шубу.

Фуражка в морозные месяцы менялась на знаменитую «папаху». Часто использовались неуставные предметы одежды, например, гражданские свитера. Обязательными были перчатки или чаще «варежки» с большим и указательным пальцами, чтобы применять оружие, не снимая их. Известно, что как в начале, так и в конце 1918 г. снабжение зимней одеждой оставляло желать лучшего.

Если основной задачей сапожников было поддерживать обувь легионеров в исправном состоянии, то задача портных заключалась в превращении их обмундирования в более изысканное. Шегольство легионеров может показаться почти детским, но солдаты действительно гордились своим внешним видом. Источником вдохновения наверняка являлась довоенная Прага или ее район Жижков, что часто служило мишенью легионерского юмора. Портные были

*Рис. 2. Чешские часовые в Кургане, зима 1918–1919 гг.
Fig. 2. Czech sentries in Kurgan, winter of 1918–1919*

завалены работой, причем не просто починкой изношенной одежды, но именно «перешивкой» в более модные, элегантные фасоны.

Такие форменные изыски приобрели наибольший размах в кавалерийских частях. Никто другой так не гордился своей формой, никто не заботился о ней так тщательно, как представители этого рода войск. Сапоги с обязательно звенящими шпорами, красные штаны (сменившие первоначальные синие), сабля на боку, короткие куртки и особенно головные уборы. Знаменитая меховая или суконная шапка «подебрадка» с небольшим султаном впереди ценилась настолько, что перед отъездом в Чехословакию для ее перевозки приобретались или изготавливались самостоятельно специальные коробки, как для женских шляп. Кавалерия всегда рассматривалась как своеобразная элита армии, что и

отразилось в ее мундирах. Гусары и уланы вызывали восхищение юношей, как до, так и во время войны, не только из-за лошадей и оружия, но и из-за роскошной униформы.

Разумеется, переделка касалась и более мелких, обычно стандартных атрибутов форменной одежды: карманов, погон, петлиц, шевронов. Все они обозначали чин военнослужащего, род войск и часть, которой он принадлежал. Однако мы не должны забывать, что все эти изменения были характерны для более спокойных периодов в деятельности Чехословацкого корпуса, тогда как на фотоснимках в дни сражений мы не увидим многого из уставной форменной одежды солдат и офицеров. Напротив, на снимках мы увидим с трудом узнаваемые личности, одетые в том числе и в гражданские вещи. Как уже говорилось, лишь с осени 1918 г. с поступлением ткани из Японии удастся достичь определенного

*Рис. 3. Чешский кавалерист
Fig. 3. Czech cavalryman*

единообразия в одежде (Kutílkové D., 2001; 2002; 2003; Vogeltanz J., Polák M., 1998).

К проблеме обмундирования премыкает вопрос организации его регулярной стирки. До конца 1918 г. в Чехословацком корпусе не существовало централизованных прачечных, а после их создания они не обеспечивали всех потребностей войск. Изначально в вопросах стирки солдаты должны были полагаться на себя и только со временем ситуация изменилась к лучшему. Известно, что за стиркой legionеры проводили значительную часть свободного времени. Большинство солдат стремилось сохранить хотя бы относительную чистоту, уделяя основное внимание белью и рубашкам. Для стирки использовались самые примитивные методы: поток воды и камни, различные корыта и самодельные стиральные доски. Стирального порошка практически не было, часто, но не всегда использовалось мыло (Zápis z května 1918, s. 66). После больших «постирушек» эшелоны

*Рис. 4. Чешские кавалеристы, 1919 г.
Fig. 4. Czech cavalymens, 1919*

Чехословацкого корпуса мало напоминали военный транспорт.

К концу 1918 г. в Екатеринбурге была сформирована первая военная прачечная. За ее оборудование отвечала медицинская часть корпуса, а работы выполнялись негодными к строевой службе солдатами. Кроме того, привлекалось до 40 военнопленных, которые выполняли большинство операций, требовавших ручного труда. Прачечная действовала в три смены и обеспечивала стирку до 6000 единиц белья в сутки. В дальнейшем практика использования военнопленных была расширена.

Чехословацкий корпус имел в своем составе медицинскую часть, призванную заботиться о здоровье личного состава. Нехватка кадров вынуждала привлекать недочувшихся студентов-медиков, а также российских врачей. Низший медицинский персонал набирался из пожилых солдат. Чешских и словацких медицинских сестер было очень немного, что компенсировалось привлечением россиянок. Преимущественно русскими были стоматологи, которых среди чехов и словаков было катастрофически мало. Первоначально в корпусе был всего 1 врач и 6 медбратьев, в дальнейшем численность медицинского персонала корпуса росла, но персонал оставался преимущественно русским. Во второй половине 1917 г. для солдат, больных туберкулезом, был организован санаторий на Кавказе. Численность медицинского персонала особенно увеличилась после передислокации корпуса в Украину, когда две его стрелковые дивизии получили штатные санитарные подразделения. Вскоре они были приспособлены к перемещению, оборудован из обычных грузовых вагонов санитарный поезд № 1 под началом доктора Владимира Хаеринга (Haeringa). Вскоре, в Тамбове Хаерингу с персоналом и ранеными удалось занять бывший санитарный поезд русской армии, обеспечивший значительно лучшие условия для перевозки и лечения раненых и заболевших. Санитарный поезд № 2 под началом доктора Мандуса (Mandaus) изначально формировался на основе русского

санитарного эшелона. Еще один поезд был захвачен в Сызрани, его возглавил доктор Пеликан (Pelican). Эти новые санитарные поезда образованы из реквизированных российских поездов после восстания корпуса против большевиков в конце мая 1918 г.

Кроме обычных санитарных поездов следует упомянуть так называемые «летучки» или «летающие поезда», предназначенные для оперативной помощи раненым и их скорейшей транспортировки. Они были оборудованы весьма примитивно и часто негативно описывались попавшими в них ранеными (Vondráček, 1922, s. 34.)

Исключительно сложной была ситуация с медикаментами и перевязочными материалами. То немного, что было взято при отправке с Украины, быстро израсходовали. После боев под Бакмачом изыскивали всеми способами. Здоровые солдаты по первому зову охотно и добровольно отдавали вещи и материалы раненым. «Никогда ранее и никогда после не было более прекрасного братства, чем помощь оказанная пострадавшим в общей борьбе».

После свержения советской власти начинают формироваться стационарные чехословацкие больницы. Первая была создана в Челябинске доктором Хаерингом из персонала, оборудования и материалов расформированного здесь санитарного поезда № 1. Впоследствии он же возглавил всю медицинскую службу корпуса. После взятия Омска частями Сергея Войцеховского 7 июня 1918 г. добавилась вторая больница (отделение для выздоравливающих) под началом доктора Райхеля (Reichel), позднее ее возглавил доктор Голд (Gold) и, наконец, Богуслав Боучек (Bouček). Последний ранее был начальником санитарного поезда № 4, а в конце 1918 г. возглавил Омскую больницу, одновременно став и врачом всего Омского гарнизона (Vácha D., 2006, s. 104).

Еще одна больница возникла в Иркутске, став чешской частью большого российского военного госпиталя. Этой частью руководил доктор Цвингер (Zwinger), затем

Пинтови (Pintovi). Доктор Кнапп стоял в Уфе у истоков карантинной больницы, призванной бороться с инфекционными заболеваниями, позднее переведенной в Златоуст.

С июня 1918 г. в Челябинске при аптечном складе образованы запасы захваченных или приобретенных медицинских средств. В каждом полку создавался стоматологический кабинет или амбулатория, некоторые из них позднее снова были перемещены в вагоны. Со временем к снабжению медикаментами подключился «Красный Крест», удалось преодолеть хаос и волокиту, оптимизировать и улучшить систему здравоохранения Чехословацкого корпуса. Также мы не должны забывать начальника фронтовой медицинской службы – доктора Владимира Хаеринга (4 марта 1919 г. он возглавил всю медицинскую службу корпуса), и начальника тыловой медицинской службы доктора Панка (бывшего начальника хирургического отдела) (Vácha D., 2006, s.105).

Зима 1918–1919 гг. – второй период напряженной деятельности чехословацких больниц и врачей. В Екатеринбурге создается больница № 2 под началом профессора Русички (Ruzicka), затем доктора Ян Янда. Также больницы действовали в Томске и Владивостоке. В связи с ростом (особенно в 1919 г.) венерических заболеваний пришлось создать условия для их лечения в Петропаловске и во Владивостоке, первую больницу возглавил доктор Сметана

(Smetana), вторую – доктор Вайметал (Vymětal). Главный склад медикаментов располагался теперь во Владивостоке, его содержимое не было как ранее захваченным или реквизированным, а пополнялось поставками из Японии и США. В Екатеринбурге действовали дом инвалидов и дом выздоравливающих. Солдаты с тяжелыми формами инвалидности могли рассчитывать на получение протезов либо из Японии, либо (преобладающая форма) от Чехословацкой ортопедической мастерской по производству «протезов и искусственных конечностей». Некоторые из инвалидов занимали должности в организациях при корпусе, например, как уже упоминалось, в прачечных.

Легионеры относились к врачам с благодарностью. Хотя зачастую об этом не пишется прямо, но восхищение перед мужчинами и женщинами в белых халатах сквозит между строк дневников и воспоминаний. Врачи всех национальностей в больницах Чехословацкого корпуса рассматривались как спасители и крайне редко критиковались или упрекались в чем-либо. Хотя медицинская служба длительное время сохраняла импровизированный характер и испытывала постоянный дефицит самых необходимых ресурсов, но она обеспечивала главное – поддерживала моральный дух в чехословацких войсках, давая важную уверенность, что в случае ранения, травмы или болезни о солдате позаботятся.

Статья поступила 01.03.2017 г.

Article was received in March, 01, 2017

Библиографический список

Boucek V. Prosím, aby zápisník byl odevzdán mé ženě jako pozůstalost, Praha 1998. (In Czech)

Fibich K., Povstalci IV., Bajkal – Vladivostok, Praha 1938. (In Czech)

Kutílkové D. K problematice stejnokrojů československé jednotky v Rusku v letech 1914–1917, in: Historie a Vojenství 4, 2001, s. 796–815. (In Czech)

Kutílkové D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918, in: Historie a Vojenství 4, 2002, s. 884–912. (In Czech)

Kutílkové D. K problematice stejnokrojů Československého vojska na Rusi 1919 – 1920, in: Historie a Vojenství 2, 2003, s. 397–420 (In Czech)

Vácha D. Ostrovy v bouři. Českoslovenští legionáři a všednost let válečných 1918–1920. České Budějovice 2006. 332 s. (In Czech)

Сведения об авторе

Ваха Далибор –

доктор наук, писатель, независимый исследователь,
Чехия, 370 04 Чешске-Будеёвице, улица «U Trojice» (У Троицы), дом 2661/1с,
e-mail: vacha@szsrb.cz

Критерии авторства

Д. Ваха выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Vogeltanz J., Polák M., Československé legie 1914–1918, Československá armáda 1918-1939, Uniformy – symbolika – výstroj – výzbroj, Praha – Litomyšl 1998. (In Czech)

Information about the author

Dalibor Vacha –

PhD, writer, independent researcher,
Adress: U Trojice 2661/1c, 370 04 Ceske Budejovice, Czech Republic,
e-mail: vacha@szsrb.cz

Attribution criteria

D. Vacha made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.